

Евгений Голубовский

Свободы много не бывает

Во второй половине двадцатого века в Одессе работала большая когорта значительных художников. Практически все они, и те, кто был успешен и признан в советские времена, и те, кто противостоял официальному искусству, уже обрели свое место в настоящей иерархии ценностей, выстраиваемой только сейчас. И все же один из мастеров, яркий, необычный, резкий – Александр Фрейдин – мне кажется, по-настоящему не оценен и нашими современниками, в наши дни. В последние два-три года в Киеве вышли номера журналов «Fine Art» и «Образотворче мистецтво», посвященные искусству Одессы. Кураторы не нашли места для статьи об Александре Фрейдине. Да и в Одессе за 29 лет после смерти мастера были опубликованы статьи Валентины Голубовской (1986 год, каталог посмертной выставки А. Фрейдина) и Александра Тюрюмина (журнал «Одесса» и каталог выставки А. Фрейдина, 2001 год). Сашу Тюрюмина я смело мог бы назвать рыцарем творчества А. Фрейдина, он делал его выставки, составлял каталоги. Сергей Князев как автор-составитель альбома коллекции С. Выродова лишь перепечатал один в один в 2008 году статью А. Тюрюмина. На сайтах МСИО и «Вікна-Одеса» статьи писал я. И все. Невероятно мало.

Всемирный клуб одесситов с радостью принял предложение коллекционеров Галины и Сергея Костиных показать работы Александра Фрейдина из их коллекции. Став кураторами этой выставки, они дополнили ее картинами из МСИО, из частных коллекций Ф. Кохрихта, Е. Деменка, Е. Щербины, Н. Артеменко и других собирателей.

На художественных выставках работы А. Фрейдина начали появляться с середины шестидесятых годов. За его спиной были

два курса Одесского художественного училища, он бросил его и больше к учебе в класс Д.М. Фруминой не вернулся. Становление художника прошло в мастерской Александра Павловича Ацманчука, почувствовавшего во Фрейдине и неординарную личность, и мощный темперамент живописца.

Биография Александра Борисовича Фрейдина была сложная. Родился он в 1926 году. Когда ему было 11 лет, в 1937 году, как «врага народа» расстреляли его отца. Во время войны Саша с 15 лет работал на заводе. И лишь в 1948 году, в 22 года, он поступил в художественное училище. Характеризуя Фрейдина-ученика, Д.М. Фрумина писала: «отличавшийся незаурядными изобразительными способностями и строптивым, капризным характером». К сожалению, в данном случае замечательный педагог Д.М. Фрумина и в будущем большой художник А.Б. Фрейдин не поняли друг друга. Он уже не был школяром, ему нужна была свобода, которую он обрел в мастерской Ацманчука.

Картины 60-х – начала 70-х годов, с которыми пришел к зрителю А. Фрейдин, – чаще всего пейзажи, мощные, неукротимые в своей живописной энергии и силе. Именно такие пейзажи хорошо представлены на выставке, так как они были интересны коллекционерам, собиравшим южнорусскую живопись.

Конец 50-х – 60-е годы – время «сурового стиля» в советском искусстве, нового способа живописного мышления, решения творческих задач, противоположных приглаженно-пропагандистскому соцреализму. И в Одессе «суровый стиль» нашел тогда своих приверженцев. Среди них были, в первую очередь, и А. Ацманчук, и Ю. Егоров. Естественно, попробовал себя и А. Фрейдин. И работы этого периода представлены на выставке, они есть в МСИО и у коллекционеров, но их меньше.

С 1969 по 1974 год – пять лет – Александр Фрейдин работал над картиной, которую считал программной в своем творчестве. Первоначальный замысел – реквием по жертвам сталинских репрессий, среди которых был и его отец. Для реквиема нужна была мощная, необычная живописная форма. Картон за картоном уничтожал А. Фрейдин, пока не пришел к композиции, которую можно увидеть сегодня в Музее современного искусства Одессы. Но за окном уже был 1974 год, хрущевская оттепель закончилась

десять лет назад. А. Ацманчук предложил назвать картину, а она ему чрезвычайно нравилась, «Похороны в Мадриде». Романтика гражданской войны в Испании, противостояние фашизму (какая разница, какой цвет у фашизма) – с таким эзоповым языком художник согласился или смирился. Картина, переведенная на холст, в большом формате, была показана на областной выставке в Одессе и... не допущена на республиканскую выставку в Киеве, так как худсовет узрел в ней «формализм».

К великому сожалению, вдова А. Фрейдина после кончины мужа продала эту картину в частную коллекцию в США. И остается радоваться, что в Одессе остался первоначальный картон, дающий нам возможность понять трагическую мощь художника, воплотившего свой реквием: уничтоженные, униженные в том же ряду, они с нами, они среди нас. И как тут не вспомнить слова из песни: «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...». «...Вы с нами, хоть нет вас в колоннах...» – стало окончательным названием картины. Эти строки поставлены кураторами Г. и С. Костиными на плакат выставки.

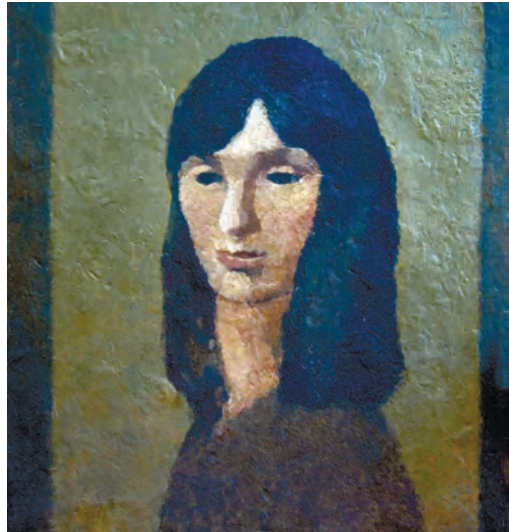
1974 год – переломный год в творчестве Александра Фрейдина. Быть может, столкновение с киевским худсоветом, печатное обвинение в республиканских изданиях в «формализме» как-то подвинули художника понять, что 37-й год не ушел полностью в небытие. Все меньше он дает картин на выставки, почти отказывается от заказных, худфондовских работ.

На вопрос, почему не выставляется, иронически улыбаясь, он сказал мне (думаю, мы оба не знали идиш, но поняли друг друга): «Работать на эту мелиху – увольте».

Я бы сказал, что с 1974 года до 1984, последнего года его жизни (он год не дожил до перестройки), в нем проснулась мучительная тоска по свободе. Невыездной, непризнанный, он не только работал, он создавал свой мир, сложный, философский, смыслом которого был вечный и самый главный выбор: «свобода – несвобода».

Как когда-то он радовал чувственное восприятие зрителя использованием контражура, который позволял довести до физически ощутимой плотности раскаленный воздух, глубокие тени, тепло шероховатых стен любимого города! И – отрезал. И вроде бы дал приказ самому себе: нужна лишь обезоруживающая

простота художественных решений. Тогда-то и возникли серии «Окна», «Человек и птица», беззащитные в своей исповедальности портреты.

Эту самоубийственную тоску прочитывает зритель в его портрете Александра Блока, в человеке, сидящем у клетки с птицами, в фигуре женщины, опустившей голову на стол. Можно было бы предположить, что художник предчувствовал свою свирепую быстротекущую болезнь, унесшую его в 58 лет. Но это не так. Я встречался с ним достаточно часто в восьмидесятые годы. В нем не было уныния, был сарказм, неприятие окружающего. И уже не эзоповым языком, а жестко и точно он выражал невозможность жить в замкнутом пространстве клетки, где не только человек, но птица – символ свободы, и та лишена надежды.

Радуется, что и этот этап его творчества, пусть не самыми значимыми картинами, но все же представлен на выставке – графика, портреты отрешенных от мирских забот людей, человек у открытого окна, человек, которого затягивает бездна.

Картины Александра Фрейдина последних десяти лет его жизни строги и в цветовом, я бы сказал, в тональном решении. Мастера волнует фактура холста, линия, а не буйство красок. Даже рамы – чудо дизайна – к своим последним работам А. Фрейдин делал собственноручно, воспринимая всю картину как цельность, как некий посыл (тогда еще не употребляли слово «месидж»), который он оставляет следующему поколению зрителей. Оценить значимость первого варианта картины «Мы с вами...» для самого художника можно еще и потому, что он одел ее в раму своей работы.

Давно пора в один ряд с провозвестниками современного искусства в Одессе Александром Ацманчуком, Юрием Егоровым, Львом Межбергом поставить имя А.Б. Фрейдина.

Поэтому и обращаясь сквозь годы к Александру Фрейдину, хочется повторить: «Вы с нами, хоть нет вас в колоннах...». Вы с нами, хоть, к счастью, мы уже не ходим колоннами, а тоска по свободе остается, и она неизбывна. Свободы много не бывает. Она есть или ее нет.

Об этом размышлял в своих произведениях и Александр Борисович Фрейдин.